

Федор Александрович Эмин

**Российская история жизни всех
древних от самого начала России
государей, все великия и вечной
достойныя памяти императора
Петра Великаго действия, его
наследниц и наследников ему
последование**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
355

Э55 **Эмин Ф.**
Российская история жизни всех древних от самого начала России государей, все великия и вечной достойныя памяти императора Петра Великого действия, его наследниц и наследников ему последование / Федор Александрович Эмин – М.: Книга по Требованию, 2024. – 483 с.

ISBN 978-5-521-39164-6

ISBN 978-5-521-39164-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

чественную соспавляли , и что сила ору-
жія занимала мѣсто нынѣшняго полиши-
ческаго въ Государствахъ равновѣсія ; слѣд-
ственно , объ одной только собищенной
пользѣ думавшіе народы , любили однихъ
себя другихъ ни мало не уважая и не
спараясь знать о ихъ дѣлахъ. Сей порокъ
не только древнимъ нашимъ лѣтопи-
сцамъ , сколько обыкновеніямъ онаго време-
ни приписать слѣдуетъ. Оныя обыкнове-
нія причиною и тому , что славный нашъ
Неспоръ писалъ свою лѣтопись не яко
Историкъ , но яко держатель государствен-
ныхъ записокъ. Въ немъ цѣна добродѣте-
лямъ и порокамъ не полагается ; будущее
изъ настоящаго истекающее и для просвѣ-
щенія весьма потребное не рассматривает-
ся ; описаннымъ дѣйствіямъ свидѣтели не
предспавлены и причины оныхъ не ссыска-
ны. Въ то время политическое искусство
отъ Россійскихъ было удалено предѣловъ ,
и Неспоръ почтенія и великихъ за то
похвалъ достоинъ , что могъ хотя такую
написать лѣтопись , изъ которой просвѣ-
щеннаго разсужденія догадка всю истин-
ну почерпнуть можетъ. Но когда Евро-
пейскія Государства одно съ другимъ вза-
имною пользою сѣбѣ пляться начали , когда
малѣйшій случай одного можетъ поколе-
бить равновѣсіе другихъ ; и ежели должно
прозорливому разсудку предвидѣть всѣ
противные случаи , и отъ слѣдствій оныхъ
скорымъ и разумнымъ предвареніемъ защи-
щаться ,

IV П Р Е Д И С Л О В І Е.

щаться, то нынѣ Исторію, которая есть
жизнію прошедшихъ и просвѣщеніемъ буду-
щихъ временъ, полезно писати съ околит-
ностями, читателямъ всю истинну от-
крывающими и прѣупотвляющими ихъ къ
ясному пониманію того, что было многими
непросвѣщенными перами закрыто, а сует-
ными умножено и запутано.

Скажутъ многіе, послѣдовавъ Цице-
рону, что для учености ничего труд-
нѣе нѣтъ, какъ вещи невѣжествомъ и
древностию запутанныя, привести въ пре-
жнее и неложное состояніе. Я съ ними въ
томъ согласенъ. Дѣло весьма трудное,
однако не невозможное. И хотя сей вели-
кій Римлянинъ утверждаетъ, что важнѣй-
шее и труднѣйшее дѣло въ Исторіи, знаніе
обыкновенія, обряды и дѣйствія глубочай-
шей древности, но гораздо еще труднѣе
сего, доискаться лицъ и обстоятельствъ
въ древности оныя обыкновенія родившихъ,
и найти настоящія причины разныхъ
дѣйствій. Всѣ обыкновенія имѣютъ свои
начала и причины, которыя бывають
основаны или на легковѣрныхъ мнѣніяхъ,
либо на важныхъ дѣйствіяхъ; но и тѣ
легковѣрныя мнѣнія произошли отъ какихъ
нибудь дѣйствій, и имѣютъ свои причи-
ны. Ежели не рѣдко случается, что въ
Исторіи народовъ находимъ обыкновенія
какъ будто безнамѣренныя, то конечно
по тому, что начальные оныхъ причины
пришли въ забвеніе, и что оныя обыкно-
венія

Вѣсти чрезъ продолженіе времени такъ пере-
образились, что никакого сходства съ сво-
ими началами не имѣютъ, и нынѣ текутъ
необыкновенными потоками. И такъ ка-
ждое обыкновеніе имѣетъ свою собствен-
ную Исторію, или по малой мѣрѣ свою
баснь. Между толкими обыкновеніями и
ихъ исторіями или баснями весьма труд-
но сыскать потъ скрытый узелъ, который
въ одно собраніе всѣ обыкновенія съ настоя-
щими оныхъ началами и причинами связы-
ваетъ и въ желанное приводитъ согласіе.
Сей истинной связи никогда не узрѣтъ
очи тѣхъ, кои преданіямъ ихъ опцевъ слѣ-
по вѣря, къ истинному разсужденію и мы-
сли свои обратитъ спрашанъ, и тѣ Фи-
зики, кои видя истинное существо ве-
щи, доискиваются исторіи оныхъ. Сбыло-
ся, что предвидѣлъ Фонтенель. Физики
въ нынѣшнемъ вѣкѣ ищутъ Исторіи испы-
туемыхъ ими тѣлъ въ преданіяхъ; а бо-
гословы оставивъ преданія обращаются къ
Физикѣ. Щастливы тѣ, кои отъ Фило-
софической истинны не удаляются; та-
ковыя упрямство, умствованіе и своевра-
віе отъ учености отдѣля, вещи могутъ
зрѣть въ настоящемъ ихъ видѣ и пишутъ
Исторію съ желаннымъ успѣхомъ; при томъ
знаніе общей Исторіи, твердость мыслей,
прозорливое вниманіе, великое трудолю-
біе и подробное знаніе политическаго раз-
новѣсія въ Европѣ и въ иныхъ частяхъ свѣта
много Историкамъ въ ихъ дѣлахъ вспомо-
стие.

VI П Р Е Д И С Л О В І Е.

ствовать могутъ. Безъ сихъ качествъ ни Истории писать, ни объ оной справедливо разсуждать не можно.

Большое несчастіе для Истории есть суевѣріе. Сія моль свѣдаетъ всю истинну. Оно часто держитъ въ крѣпкихъ узахъ и многіе ученіемъ наполненные умы, и не дозволяетъ онымъ войти во Храмъ истинны. Оно причиною и тому, что нѣкото обремененный сими мыслями, что душа его наполнена набожесловомъ и благочестіемъ, и который плюнуть на полъ въ церковь за непросипительный грѣхъ, а оклеветать человека за благочинное препровожденіе времени почиаетъ, называлъ Историю мною собираемую, незаконною по тому, что всѣ политическія дѣйствія пространно описываю; а того, кѣмъ, какимъ Архитекторомъ, изъ какого дерева или камня построены многіе Монастыри, и не упоминаю. Признаюсь, что въ семъ его знаніи я великій невѣжа, и не знаю не только того, кѣмъ многіе Монастыри не развзгорѣвшіе и тамъ паки воздвигенные построены, но и сколько ихъ есть теперь въ Россіи. Сіе знаніе я оставляю церковной Исторіи Писателямъ. Сей мой Критикъ послѣдовалъ странному ученому мужу, Доктору Принну, который Софокловы и Терренціевы сочиненія называлъ (*) ни къ чему негодными,

(*) Въ своей Диссертациі, подъ заглавіемъ:
De Propaganda Fide.

ными, по іному чіпо его святой бонавентура іного рода книгѣ не любилѣ. За сіе мое историческое, по его мнѣнію, пресупленіе, я думаю, что и мой Крипникѣ тѣ же мнѣ мысленно во адѣ готовитѣ мученія, которыя Докторѣ Принѣ подписалѣ всѣмѣ не его вѣры Философамѣ (*).

Нѣкоторые мнѣ говорили, что моя Исторія была бы гораздо лучше, естли бы я не крипиковалѣ Г. Ломоносова. Щастливое свойство духа славы! Я вмѣсто извѣщенія и теперь скажу, что Г. Ломоносовѣ при всѣхѣ своихѣ достоинствахѣ не могѣ съ желанною удачею писать Россійской Исторіи какѣ по іному, что былѣ занятѣ многими дѣлами, и имѣя многихѣ милосердивцевѣ и друзей, кѣ первымѣ былѣ принужденѣ бѣдѣть, а съ другими знаться; ітакѣ по причинѣ ітой, что не разумѣлѣ Липовскаго, Татарскаго, Турецкаго, Польскаго и иныхѣ мнѣ вразумительныхѣ языковѣ, на которыхѣ много естѣ книгѣ, кѣ точному знанію нашей Исторіи весьма потребныхѣ. Естли

(*) Онѣ утверждаетѣ, что всѣ Невѣрные будутѣ бѣсѣ во адѣ ядовитыхѣ змѣй, которыя чрезѣ всю вѣчность будутѣ грызѣ ихѣ внутренность, пить горячую смолу, носить огненное платье, и что Раянѣ и Боагра, адскіе Медики, будутѣ имѣ даватѣ вѣ каждую минушу по три калистра изѣ крѣпкой водки.

VIII П Р Е Д И С Л О В І Е.

бы я въ моихъ критическихъ примѣчаніяхъ умолчалъ имя Г. Ломоносова у насъ великой кредитъ заслужившаго, и вѣрными доказательствами не утвердилъ моихъ писаній, изъ которыхъ многія не согласны съ его мнѣніемъ; по многіе сказать бы могли, что я пишу не правду, по тому что о помѣ Ломоносовъ, да еще Несторъ, Никонъ, Бсеръ и иные писали иначе. Много еще при всемъ нынѣшняго вѣка просвѣщеніи есть такихъ, кои писанія тѣхъ, которыхъ обожаютъ, почитаютъ такъ, какъ Турки Алкоранъ, къ которому что нибудь прибавить или въ немъ перемѣнить почитается за великій грѣхъ; но Исторія отъ сего нещастія должна быть освобождена. И такъ несправедливо многіе думали, что я спарался заимать достоинства Г. Ломоносова, критикуя по справедливости многія мѣста его Исторіи, которую онъ началъ писать весьма поздно, не имѣя къ продолженію сего весьма похвальнаго предпріятія довольно времени, крѣпкаго здоровья, знанія нѣкоторыхъ языковъ и потребныхъ къ тому лѣтописей, которыя долгое время въ партикулярныхъ домахъ были погребены, и коими на конецъ обладатели рныхъ меня снабдили.

Были и такіе, кои сказали, яко бы я Исторію Тайнаго Совѣтника Татищева ограбилъ, и ему принадлежащую славу себѣ присвоилъ. Кію читалъ или прочитъ Исторію Г. Татищева и мою,
что

топѣ узнаемъ цѣну такой крѣпки ; я только то скажу , что Г. Тапищевъ великаго почтенія достоинъ за толь долговременный свои трудъ. Тридцать лѣтъ постоянно въ одномъ дѣлѣ упражняться , есть такая рѣдкость , которая историческаго пера достойна. Несчастіе его Исторіи по большей части состоитъ въ томъ , что Г. Тапищевъ не зналъ многихъ языковъ къ основательному писанію нашей Исторіи весьма потребныхъ , и многіе Переводчики , какъ онъ самъ въ своемъ предвизвщеніи на нихъ жалуется , спѣша получить цѣну за свои труды , не весьма были къ переводамъ прилѣжны , такъ что въ его Исторіи во многихъ разныхъ людей именахъ , званіяхъ городовъ и цѣлыхъ дѣйствіяхъ великія находятяся ошибки.

Тайный Совѣтникъ Тапищевъ зная трудолюбіе и ученость Профессора беера , всю свою о древности Россійской Исторію основалъ на его Комментаріяхъ , какъ самъ въ своемъ предисловіи на стран. XXIV. извѣщается , называя Профессора беера не только ученымъ , но преученымъ мужемъ , утверждая , что онъ ему все неизвѣстное о древности Россіи открылъ ясно своими комментаріями. Но какъ Профессоръ бееръ самъ весьма часто ошибался , читая древнія Арабскія и Татарскія лѣтописи , о томъ въ моемъ предисловіи къ первому Тому сего книги довольно доказано ; теперь только скажу , что Профессоръ бееръ можетъ

Х П Р Е Д И С Л О В І Е.

быть первымъ изъ числа тѣхъ ученыхъ къ каждому древнему описанію прилипчивыхъ чипателей, копорые пишутъ нѣсколько Томовъ, извѣняя одно слово онаго не разумѣя. И такъ Г. Тапищевъ, послѣдовавъ Г. Бееру, изъ мнѣній разныхъ Нѣмецкихъ Историковъ избралъ первую часть своей Исторіи; но всѣ почти его Авторы, на копорыхъ онъ большее клалъ основаніе, между собою несогласны, и ни въ чемъ насъ основательно не убѣряютъ.

Чтожъ Исторія Г. Тапищева не очень полна, такъ что многими Россійскими Государями не только въ нужихъ земляхъ, но и во внутренности Россіи произведенныхъ дѣйствій въ ней не означено, пому, я думаю, тѣхъ самые непріятные его Переводчики были причиною. Они все дѣлая для своей пользы, не хотѣли имѣть терпѣнія разобратъ лучшихъ Авторовъ, изъ оныхъ все нужное выписать, и переведенныя дѣйствія Г. Тапищеву сообщить; что видно изъ многихъ его ссылокъ на разныхъ Авторовъ, въ копорыхъ со всѣмъ не то стойтъ, какъ явствуетъ въ его Исторіи, и что и Г. Миллеромъ, издателемъ оныя, примѣчено. Древняя наша пословица весьма праведно гласитъ, что *похъ черезъ послоу не быкаетъ* ; изъ чего заключить слѣдуетъ, что всѣхъ недостатковъ Исторіи Тайнаго Совѣтника Тапищева большею причиною его Переводчики. При томъ Г. Тапищевъ,
не

не хотѣя въ политическія общаго равновѣсія мѣшались изслѣдыванія и разсужденія, писалъ только точно то, что въ древнихъ Россійскихъ Лѣтописяхъ нашелъ, не смѣя ничего къ онымъ прибавить, или что нибудь въ нихъ политическою разборчивостію изъяснить, либо перемѣнить, такъ что не старался ниже порядочнаго печенія лѣтъ въ иныхъ исправить, какъ онъ самъ на стран. XXIV. на концѣ, и на стран. XXV. въ началѣ своего предисловія признается. При всемъ томъ я долговременный трудъ Г. Татищева почитая, смѣло сказать могу, что для новѣйшихъ писателей полной исторіи Лѣтопись его можетъ быть лучшимъ основаніемъ, нежели всѣ прочія наши Лѣтописи, послѣ Нестора писанныя. Предисловіе его всею своею длинностію означило намъ только его трудолюбіе, но древности нисколько не доказало: да и всѣ тѣ, кои въ длинныхъ своихъ предисловіяхъ будутъ разсуждать о древности отдаленной, только намъ похващаются тѣмъ, что рылись по многимъ книгамъ, оныя читали, но ничего обстоятельнаго не нашли. Въ шестомъ надесяти вѣкѣ жившіе Историки, онаго вѣка дѣла-описывали неосновательно, кольми паче трудно и почти невозможно узнать дѣйствія отдаленнѣйшихъ временъ, о которыхъ ни памяти, ни малѣйшаго знака не осталось. Мы и то должны почестъ за щастіе, что можемъ Исторію свою отъ временъ Рюри-
ка

ХИ П Р Е Д И С Л О В І Е.

ка I. почестъ за справедливую. Польская, Венгерская и Нѣмецкая Исторіи наполнены несогласіемъ почти послѣднихъ вѣковъ.

Нѣкто также ученый мужъ писалъ сюда къ своему пріятелю, что онъ Шведскими и Халдейскими лѣтописями и древнѣйшими Астрономическими примѣчаніями докажетъ, что и въ моей Исторіи много есть ошибокъ. Легко спастись можетъ, и конечно я въ оныхъ признаюсь не постыжусь, ежели справедливо будутъ доказаны. Я въ томъ увѣренъ, что сей мужъ о Исторіи народовъ довольно можетъ имѣть понятіе: ибо уже тому около десяти лѣтъ, какъ онъ углубился въ чтеніи историческихъ книгъ. Послѣ окончанія своего ученія въ публичныхъ школахъ, гдѣ нѣсколько лѣтъ упрямилъ на обученіи Латинскому языку, обратился онъ къ Греческому, почитая Латинскихъ авторовъ за невразумительныхъ и о древности мало свѣдущихъ. Обучась и Греческому языку, такъ что помощію лексиконовъ разныя мѣста разныхъ книгъ разумѣть могъ, Греческими Авторами также не былъ доволенъ, всего желаннаго въ нихъ разумѣть и найти не могли. Да и что бы онъ могъ во оныхъ сыскать, касающагося до неложнаго историческаго понятія? Въ нихъ бы онъ нашелъ претворенія истинны въ ложь, и все то, что стихотворца, живописца и испуканщика прославить, а философа въ заблужденіе при-